

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист, историк, член редакционного совета журнала «Берега». Директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» с 2020 года. Член Литературного форума «Мирь Слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, жюри Международного детско-юношеского конкурса им. И. С. Шмелёва «Лето Господне», жюри Международного открытого конкурса «Просвещение через книгу», жюри Международного литературного конкурса им. С. Т. Аксакова ИС РПЦ, Совета экспертов Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

* * *

Мне не лежалось на лежанке –
Мешал всё треск горящих дров,
И тьме, как старой прихожанке,
Я рассказать был сны готов.

Но я молчал, хоть был не робок,
Вбирая телом жар печной,
И мне казалось, что подтопок
Тепло беседует с избой.

И пахло лесом, дымом, полем,
Рождением, жизнью, нищетой,
Коротким счастьем, долгим горем,
Второй и Первой мировой.

На языке горчила жжёнка,
Катился пот слегка по лбу,
И видел я в себе ребёнка,
Чьи сны возносятся в трубу.

* * *

Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.

Кажется мне, я иду по курганному полю,
Звёзды угрюмо склонились к расстрельному рву,
Сон ты никак не обманешь, он рвётся на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупные просветы,
Наши свиданья с роднёй обречённо редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

ВИСЕЛЬНИК

*Василию Михайловичу
Серкову*

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шёл с оглядкой в Новоспасское –
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придёт он скоро к Евдокии –
Вот изгородь, вот край избы.

Её он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата –
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошёл его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

На утро к месту подлой казни
Он шёл по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

Весенний лес был полон соловьями,
 Взвивался к солнцу звучный перелив,
 А он сказал: «Под нашими ногами
 Лежат друзья, а я остался жив.

Мы пили воду из дорожной лужи,
 Мы яблочную доедали прель,
 Но знали, что бывает и похуже,
 И хуже стало после двух недель.

Мы обошли угрюмую пустошку,
 И с голодухи нас прельстила вонь,
 И мы копали сгнившую картошку,
 И пулемётный в спины лил огонь,

И в поле я лежал между телами,
 И мягок был под Вязьмой чернозём,
 И небо омывало нас дождями,
 И я простился с пленным октябрём».

СТУДЕНЕЦ

Не плачь, курносая голуба,
 Не стоит слёз твоих ведро,
 И я с улыбкой водолюба
 Верну пропавшее добро.

Оно лежит на дне колодца,
 Помилуй, Фёдор Стратилат,
 На глубину мне лезть придётся,
 Подземный мир холодноват.

Читай, молељица, прокимен,
 Я ухожу в студёный свод,
 Пусть будет он гостеприимен,
 Ведро без грубости вернёт.

Колодец выложен по-русски:
 Надёжен, гладок и дошат,
 И от испуга в скользком спуске
 Молитвы скрыли перемат.

Во тьме воды менялись лица,
 Я слышал крики, имена,
 И думал я, что будут сниться
 Мне раскулачка и война.

*Александр Сергеевичу Орлову
 и Сергею Васильевичу Серкову*

Со дна июньских тёплых луж
 Тянуло мёдом, льном и кожей,
 И вечер, вежливый прохожий,
 Нас пригласил в Дорогобуж,

Где дождь, задумчив и покоен,
 Кропил торговые ряды,
 И большегрузные следы,
 И дух усопших маслобоен,

Полки канатной конопля
 И залежи пластичной глины,
 Мещанских домиков руины
 И плинфы кривичей в пыли,

И колченогих стариков
 У перекошенной ограды,
 Их опалённые награды
 За Ржев, Смоленск и Могилёв.

Дождь лил, слоняясь по дворам,
 Передохнул в тиши сарая,
 Кусты и грядки освежая,
 Ушёл к блестящим куполам,

Где жизнь доверчива, мудра,
 Щедра, смиренна и упряма,
 Сокрыта от Москвы и гама,
 Где дремлет солнце возле храма
 Петра и Павла,

Павла и Петра.

* * *

Не жил я в эпоху носильных коммун,
 В курганах не взрыл артефакта,
 Но слышал, как сладко поёт гамаюн
 В чащобах Смоленского тракта.

И в пенье дремотном красив и блажен
 Явился мне край вечной смоли,
 Где люди не терпят плаксивых измен
 И лечат в молитвах мозоли,

Где с детства мой дед выходил на покос,
 Отца ждал у графского сада
 И первой щегиней в отряде оброс,
 Смывая кровь немцев с приклада.

Откуда ушёл он, ничто не забыв,
 Ушёл навсегда поневоле,
 Скрывая на сердце щемящий нарыв
 С подсушенным привкусом соли.